

О.В. Корневская

*Томский государственный университет,
Томский политехнический университет*

**Особенности психологического портрета русского человека
в немецких переводах романа Ф.М. Достоевского
«Братья Карамазовы»**

Аннотация: Рассмотрены проблемы воссоздания психологического портрета русского человека в немецких переводах романа «Братья Карамазовы». Категория стихийности, играющая ключевую роль в авторской концепции человека, реализуется с помощью специфических черт стиля Достоевского и ярче всего проявляется в прямой речи героев и окружающих ее фразах. Переводы демонстрируют разные подходы к передаче соответствующих особенностей оригинала.

The article investigates the problems of rendering the psychological portrait of the Russian character in German translations of «The Brothers Karamasov». The category of *stikhiynost'*, which plays a crucial role in the author's concept of man, is realized through specific features of Dostoyevsky's style and finds its most remarkable representation in the heroes' direct speech and the surrounding phrases. The translations demonstrate different approaches to conveying the relevant peculiarities of the original.

Ключевые слова: Достоевский, Братья Карамазовы, национальный характер, психологический портрет, перевод.

Dostoevsky, The Brothers Karamasov, national character, psychological portrait, translation.

УДК: 882.Д7.03=830.

Контактная информация: Томск, ул. Ленинаа, 36. ТГУ, филологический факультет. Тел. (3822) 529846. Томск, ул. Усова 4а, корп. №19. ТПУ. Тел. (3822) 565791. E-mail: felice2004@mail.ru.

В процессе межкультурного диалога особая роль отводится художественным произведениям, относящимся к «прецедентным текстам» [Караулов, 1987, с. 216] национальной литературы, которые сами стали явлением культуры, в них нашли глубокое осмысление как общечеловеческие, так и национально-специфические проблемы. В таких произведениях информация об особенностях культуры и ее ценностях может быть выражена эксплицитно – на уровне идейного содержания – и заложена имплицитно в тонких стилевых нюансах авторского почерка. Данное утверждение в полной мере применимо к творчеству Ф.М. Достоевского, который на протяжении полутора веков признается одним из самых ярких представителей русской культуры в восприятии иностранного читателя. Своеобразие творчества Достоевского, обусловленное тесной взаимосвязью авторского мировидения с особенностями русского национального сознания, остается одним из важнейших факторов неослабевающего интереса к русскому писателю за рубежом. Вместе с тем, проблемы передачи национально маркированных элементов формы и содержания его произведений в переводах на иностранные языки еще не стали предметом отдельного изучения.

В настоящей работе исследуется психологический портрет русского человека в романе «Братья Карамазовы» и проблемы передачи его особенностей в четырех переводах романа на немецкий язык. Переводчики – Е.К. Разин (псевдоним Элизабет Кэррик) (1906 г.), Герман Рель (1924 г.), Ханс Руофф и Рихард Хоффманн (1958 г.), Светлана Гайер, украинка по происхождению (2003 г.). Каждый из переводов создавался на определенном этапе развития рецепции Достоевского в Германии.

К проблеме изображения психологического облика русского человека у Достоевского обращался целый ряд отечественных исследователей. Основополагающим стал труд Н.А. Бердяева «Откровение о человеке в творчестве Достоевского». Самой яркой чертой героев писателя философ признает их безграничность и динамику: «Все страстно, все иступленно в антропологии Достоевского, все выводит за грани и пределы. Достоевскому дано было познать человека в его страстном, буйном, иступленном движении» [Бердяев, 2001, с. 68]. В романе «Братья Карамазовы», считает Бердяев, «опять проблема о человеке ставится в страстной и напряженной атмосфере человеческой множественности» [Там же, с. 72]. Характерно, что образ Алеши Бердяев считает «наименее удавшимся из образов Достоевского» [Там же], вероятно, потому что он строится на стремлении к целостности, гармонии, завершенности, созидательности, в то время как в образах Ивана и особенно Дмитрия Карамазовых читателя поражает масштаб их внутренних противоречий, диапазон страстей, глубочайшая противоречивость, что, по мнению Бердяева, и составляет сущность неповторимого творческого почерка русского писателя. В данной работе проявления иррациональности и стихийности русского характера выбраны в качестве важнейших признаков психологического портрета героев романа.

При выявлении закономерностей авторского изображения действий и поступков героев важно учитывать такую особенность русского языкового сознания, как признание активной роли действующих над человеком сил, причем эти силы могут носить подчас прямо противоположный характер. Отсюда – известное у героев Достоевского постоянное «метание» между двумя безднами – религиозным смирением перед Божией правдой и подчиненность неуправляемому разгулу наперекор нравственным нормам. Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1996] убедительно показала, что стиль Достоевского органичен всем категориям русского менталитета и, в том числе, категории стихийности. Понятие «стихия» выступает в романе как некая всеобъемлющая природная сила, которой подчиняется все живое, и в таком понимании становится синонимом жизни по естественным законам. И поскольку человек является частью непрерывного природного процесса, то стихийность распространяется и на сферу его физических и душевных переживаний. Все главные герои романа испытывают минуты чрезвычайного душевного напряжения, когда практически теряют способность руководить своими поступками и словно отдаются во власть неведомых им самим стихийных сил. «Герои действуют наперекор рассудку, не отдавая себе отчета, потеряв власть над событиями... <...> В конце концов действуют не сами люди, а неведомые им скрытые стихийные силы» [Караулов, 1996, с. 241].

Огромную роль в психологическом портрете героев Достоевского играют их речевые проявления. Важно не только то, *что* говорят герои, но и то, *как* они говорят. Под этим подразумеваются как собственно стилистические нюансы и ритмический рисунок прямой речи, так и ремарки, вводящие высказывания персонажей. Реплики почти всех героев часто вводятся глаголами неожиданности: «вскричал», «воскликнул», «завопил», «взвизгнул» и т.п. Этот эффект усиливается за счет наречий со значением неожиданности: «внезапно», «вдруг», «неожиданно», причем нередко в одной фразе могут соседствовать два подобных наречия. Это подчеркивает быстроту и неконтролируемость перехода героя в эмоционально возбужденное состояние. Более того, часто речевые характеристики со-

провожаются указанием на эмоцию: «воскликнул ... в негодовании», «с увлечением воскликнул» и т.д. Характерно, что Достоевский чаще всего предпочитает наречию (например, «восторженно») предложную конструкцию («с восторгом» или «в восторге»), очевидно, осознавая эмоцию как самостоятельную активную деятельную силу. Наконец, в таких фразах нередки неопределенные местоимения, подчеркивающие сложность эмоции и невозможность проникнуть в потемки человеческой души. Все эти особенности авторского стиля могут вызывать определенные затруднения у иностранного читателя, вступая в противоречие с нормами его речевого узуса, поэтому чрезвычайно важно проанализировать позицию переводчиков при передаче этих элементов на немецкий язык.

Ниже приведен ряд фрагментов, наглядно иллюстрирующих упомянутые особенности.

<i>Lise всплеснула руками и вскричала в неудержимом чувстве</i>	
<i>Разин</i>	schlug Lisa die Hände zusammen und unterbrach ihn erregt
<i>Рэль</i>	schlug Lisa die Hände zusammen und rief mit mächtiger Empfindung
<i>Руофф, Хоффманн</i>	schlug Lisa die Hände über dem Kopf zusammen und rief in einem jähen Gefühlsausbruch
<i>Гайер</i>	schlug Lisa die Hände zusammen und rief in überströmendem Mitgefühl

В этом примере оба глагола – речи и действия – отражают быстроту перемены эмоционального состояния героини, а прилагательное еще сильнее акцентирует его стихийность и неуправляемость. Эти особенности не передаются в переводе Разин. На наш взгляд, наиболее удачно напряженность эмоции воспроизводится в переводе Руоффа и Хоффманна за счет компонента «Ausbruch», выражающего сильное и внезапное проявление чувства. В варианте Светланы Гайер экспрессивность достигается за счет выбора прилагательного, подразумевающего чрезмерность, гипертрофированность эмоции, что соответствует особенностям психологического портрета героя Достоевского, однако переводчица по-своему интерпретирует само чувство героини. «Сочувствие» («Mitgefühl») как нравственно окрашенное, наполненное добротой и теплотой переживание несет иные коннотации, нежели драматичный и безудержный эмоциональный порыв. Отметим, что ни в одном из переводов экспрессивность глагола, вводящего последующую реплику, не находит адекватной передачи и заменяется на «rief» («крикнула»).

Одним из ярчайших проявлений стихийности в романе является шутовское поведение Федора Павловича Карамазова. К вышеупомянутым особенностям введения его реплик здесь добавляются характерные стилистические черты прямой речи. В главе «Старый шут» Федор Павлович дает волю своему шутовству. Его речь насыщена преувеличенно высокопарными словечками и оборотами.

<i>Ваше преподобие! – воскликнул он с каким-то мгновенным пафосом</i>	
<i>Разин</i>	«Ehrwürden!» rief er darauf mit einem ganz plötzlichen, unerwarteten Pathos aus
<i>Рэль</i>	«Euer Ehrwürden!» rief er mit plötzlichem Pathos
<i>Руофф, Хоффманн</i>	«Euer Ehrwürden!» rief er in einem jähen Anfall von Pathos
<i>Гайер</i>	«Ehrwürden!» rief er mit einem augenblicklichen Anflug von Pathos

Возвышенная форма обращения к старцу Зосиме производит комический эффект в устах Федора Павловича. Как нам представляется, авторы второго и третьего переводов делают правильный выбор устойчивой формы обращения к лицу религиозного сана с местоимением «Euer», у Разин и Гайер же подчеркнутая вежливость слов героя несколько ослабевает. Все переводчики, кроме Разин, заменяют глагол неожиданности («воскликнул») на менее экспрессивный вариант. Нельзя не отметить и опущение во всех переводах специфического употреб-

ления неопределенного местоимения «какой-то», акцентирующего необычность поведения героя. Наименее полно степень экспрессии оригинала передана в переводе Рёля, а в переводе Разин, наоборот, за счет дополнительного синонима намеренно усилено значение неожиданности. В двух поздних переводах наблюдаем интересные варианты интерпретации. Осознанно или нет, но за счет включения слов «Anfall» («приступ») и «Anflug» («порыв») переводчики сумели передать ключевую черту стихийности русского характера – подчиненность неким внешним силам, управляющим поведением человека.

Необходимо подчеркнуть, что авторская концепция русского национального характера реализована через образы не только главных героев. Среди персонажей второго плана выделяется образ штабс-капитана Снегирева, в котором Достоевский мастерски раскрывает надрывность и психологическую сложность простого русского человека. Как и в других примерах, важную роль в его характеристике играет речь персонажа и сопровождающие ее действия. В интонациях штабс-капитана стихийность выражается в безудержном напускном самоуничижении, за которым, однако, проступает искренняя боль и, превыше всего, стремление утвердить собственное достоинство в глазах других. Импульсивность и непредсказуемость поступков героя передается подчеркнута гиперболизированной вежливостью его слов в беседе с Карамазовыми, а в речи рассказчика – обилием наречий «вдруг» и экспрессивностью языковых средств.

<i>Видели-с, видели-с! – взвизнул он Алеше, бледный и исступленный, и вдруг, подняв вверх кулак, со всего размаху бросил обе смятые кредитки на песок.</i>	
<i>Разин</i>	«Sehen Sie, sehen Sie!» schrie er Aljoscha bleich und rasend zu, erhob die Faust und schleuderte die beiden zerknitterten Scheine in den Sand.
<i>Рель</i>	«Haben Sie es gesehen, haben Sie es gesehen?» schrie er blaß und außer sich. Dann hob er die Faust und schleuderte die zusammengeknüllten Banknoten mit vollem Schwung in den Sand.
<i>Руофф, Хоффманн</i>	«Haben Sie gesehen, haben Sie gesehen?» schrie er Aljoscha bleich und wütend an, hob die Faust und schleuderte die beiden zerknitterten Scheine in den Sand.
<i>Гайер</i>	«Haben Sie gesehen, wenn's beliebt, haben Sie gesehen, wenn's beliebt?» kreischte er kreidebleich und völlig außer sich, hielt plötzlich die Faust in die Luft, holte aus und warf die beiden zerknüllten Scheine in den Sand.

Лишь в переводе Светланы Гайер наблюдается точность передачи экспрессивной окраски глагола речи. Она также передает подобострастную форму обращения («если вам будет угодно»), что, однако, несколько утяжеляет звучание прямой речи героя, усиливает экспрессивную окраску многих других элементов фразы («völlig außer sich»). Кроме того, лишь Гайер переводит наречие «вдруг», несущее важную функциональную нагрузку: оно выражает неожиданность и непредсказуемость поведения героя. В остальных переводах последовательность действий штабс-капитана Снегирева представлена скорее как логичная и закономерная.

Таким образом, при воссоздании особенностей психологического портрета героев «стихийного» начала огромная роль отводится правильной передаче экспрессивного эффекта глаголов, вводящих реплики героев, синтаксических особенностей оригинала и самой интонации прямой речи. Широкий диапазон речевых проявлений героев, находящихся во власти «карамазовской» стихии, демонстрирует стилевой принцип Достоевского – выражение героем себя в слове. И прямая речь, и авторское слово о поведении героев показывают непредсказуемость, двойственность человека, постоянную борьбу в нем двух противоположных начал.

Подводя итог сделанным наблюдениям, следует констатировать, что все немецкие переводы характеризуются вниманием к национальному своеобразию

психологического облика героев «Братьев Карамазовых» и стремятся художественно полно воссоздать драматически напряженный рисунок их духовного состояния. На наш взгляд, наиболее тонкое и вдумчивое отношение к тексту Достоевского демонстрирует в этом плане перевод Светланы Гайер, за исключением некоторых случаев, где упущена неопределенная окраска при наименовании эмоции. При том, что динамика восприятия немецкими переводчиками специфики русского национального характера, представленной в романе «Братья Карамазовы», очевидно, не идет по нарастающей, в каждом переводе можно отметить определенное своеобразие и переводческие удачи. Чуткость и глубина восприятия переводчиками нюансов психологического портрета, изображаемого в романе Достоевского, обусловлена художественным и нравственно-философским содержанием немецкой литературы и искусства в целом, в лоне которого формировалась высокая культура перевода, уважение к оригиналу и его национальной неповторимости.

Литература

Арутюнова Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 61–90.

Бердяев Н. Миросозерцание Достоевского. М., 2001.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Караулов Ю.Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского // Язык как творчество. Сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. С. 237–249.